

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД

ПЕРЕБЕЖЧИКИ ИЗ РАЗВЕДКИ

ИЗМЕНИВШИЕ ХОД
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Gorbachev has demonstrated in his days that he is the most aggressive Soviet leader since Khrushchev. He has taken controversial and even unpopular steps like the antialcohol campaign—and a recent precedent by criticizing his colleagues on the Politburo.

He has thrown down the gauntlet controversial as the allocation of broad-based management reform, and systems of incompetent and corrupt, very insistence of his rhetoric as for compromise or retreat.

Gorbachev is gambling that a more efficient, not a more efficient situation for

Гордон Брук-Шеферд Перебежчики из разведки. Изменившие ход «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Серия «Разведка и контрразведка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28717064

*Г. Брук-Шеферд. Перебежчики из разведки. Изменившие ход «холодной войны»: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2018
ISBN 978-5-906995-65-0*

Аннотация

Перебежчики из разведки (советской и западной) сыграли важную роль в послевоенной истории. Например, полковник ГРУ Олег Пеньковский передал на Запад 5,5 тыс. документов, которые «определили планирование в западном альянсе на годы, а в некоторых вопросах – на десятилетия». Сотрудник британской разведки Ким Филби сообщил в Москву обо всех операциях ЦРУ против СССР. О том, какое влияние оказали перебежчики на ход «холодной войны», рассказал автор, который беседовал со многими из них.

Содержание

Предисловие переводчика	5
От автора	17
Искры войны	24
Встреча в Чеккерсе	24
Шифровальщик	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Гордон Брук-Шеферд Перебежчики из разведки. Изменившие ход «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

© Брук-Шеферд Г., 2018

© Бехтин Ю. В. (предисловие, перевод), 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Предисловие переводчика

Книга принадлежит перу британского историка и писателя – автора нескольких книг по европейской истории XIX и начала XX веков. Однажды он заинтересовался советскими перебежчиками довоенного времени. Работа была непростой, потому что большинство из них уже к тому времени ушли в небытие, и многие не без посторонней помощи. И Гордон Брук-Шеферд выпустил в 1977 году книгу на эту тему под названием «The Storm Petrels», что в буквальном переводе означает «Буревестники». В русском языке – это название птицы, а у английского словосочетания есть другое образное значение – предвестники неприятностей, мнимых или реальных. Действительно, перебежчики часто оказываются предвестниками зреющих или следствием происходящих кризисов в какой-то стране или в международных, как минимум двусторонних, отношениях. Эта книга («Перебежчики из разведки. Изменившие ход «холодной войны» – прим. ред.) носит синонимичное название – «The Storm Birds» – и повествует о беглецах периода от войны до перестройки. Вышла она в 1988 году, а работал над ней автор, как явствует из следующего далее предисловия автора, четыре года.

В книгах о работе спецслужб нередко имеет место прямое или косвенное участие последних. В зависимости от поли-

тического режима в данной стране это может быть и прямой контроль, и выгодное подправление, и «помощь» архивными материалами и просто информацией, выгодно оттеняющей работу заинтересованных спецслужб и, соответственно, невыгодно – другую сторону. И эта книга, написанная в период холодной войны, представляет собой отнюдь не лишнее предвзятое исследование. Автор стоит не над событиями, а с одной стороны событий. Так что, читая эту книгу, вы получите представление не о том, что и как произошло, а о том, что и как подается. О том, как это видят и подают на Западе.

Следует заметить, что в ней есть сведения, весьма расходящиеся с тем, что издано «с нашей стороны». В частности, в главе «Разрушитель» говорится о несколько иной роли известного советского агента, англичанина Кима Филби (поскольку в нашем звучании слова «агент» есть нечто уничижительное, у нас обычно говорят «советского разведчика»), в деле одного несостоявшегося перебежчика, причем автор утверждает, что эти сведения публикуются впервые.

Хотелось бы особо отметить один сомнительный мотив, проходящий через всю книгу. Часто переходы на другую сторону происходят по весьма банальным причинам психологического свойства. Скажем, человек попался на чем-то неблагоприятном и поддался шантажу, или не без оснований испугался неприятностей по возвращении домой, или психологически надломился на почве служебных и семейных неуря-

диц и завышенных амбиций, или совершил побег в результате беспринципности, цинизма, низменных привычек и побуждений, разрушения личности на почве злоупотребления алкоголем, в поисках задешево «сладкой жизни» и т. д. (собственно, автор сам перечисляет почти все эти причины в своем предисловии), а из него потом начинают лепить в западных СМИ образ «выбравшего свободу», «борца с режимом», и сам перебежчик уже по заведенной схеме говорит о том, что в нем давно зрела мысль о побеге, и он сам себя начинает выставать борцом с режимом чуть ли не с младых ногтей (хотя из биографии видно, как будущий перебежчик, несмотря на обуревавшие его сомнения, делал карьеру, карабкался вверх по лестнице, используя любые благоприятные возможности). Это психологически понятно: западному общественному мнению приятнее, если человек давно зрел для приобщения к западным ценностям (и, стало быть, это человек достойный), а не импульсивно перебежал через условную границу, и порой по не красящим его причинам (хотя психология «сукин сын, но наш» работает тоже безотказно). В этом отношении книга не исключение, так что вы не всегда сможете составить мнение о подлинных причинах, толкнувших того или иного перебежчика на критический шаг. Вы скорее можете составить мнение о том, как совершен побег и как публично мотивирован – порой с задержкой в несколько лет, вплоть до двадцати, причем со временем задним числом объявляются всё новые мотивы. Ско-

рее читателю самому на основе субъективных мотивов в изложении перебежчика и автора предстоит составить психологический портрет беглеца и психологию вызревания критического решения.

Вот возьмем Гордиевского¹, которого автор выдает за одного из самых «идейных» перебежчиков. Он и вначале рассказывает, как тот зрел для борьбы с режимом и перехода на Запад, и заканчивает повествование в том же ключе. А в середине выпадает один важнейший элемент: вроде бы «созревший» Гордиевский должен был бы сам сделать шаг навстречу спецслужбам, однако именно англичане сделали первый шаг к нему навстречу. По каким признакам? И как всё началось? Что-то автор недоговаривает (или ему не сказали) о подлинных причинах перехода.

Однако на первое место у автора выходит не изложение подлинных или мнимых мотивов, а, как правило, перечисление того, что сумел выдать-продать живописуемый персонаж.

Правда, автор не всех персонажей выставляет в качестве «идейных перебежчиков», к тому же почти во всех мотива-

---

¹ Олег Гордиевский – бывший полковник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка), заочно приговорённый к расстрелу за государственную измену. С 1974 года по 1985 год тайно работал на британскую разведку (псевдоним – OVATION). Британский историк спецслужб кембриджский профессор Кристофер Эндрю называет Гордиевского «самым крупным агентом британской разведки в рядах советских спецслужб после Олега Пеньковского» – прим. ред.

циях присутствует фактор манящего материального изобилия и перспективы личного благополучия в условиях этого изобилия.

В конце концов, достоинства «разлагающегося Запада» ощущали многие, так же как и многих смущала наша вера в светлое будущее при хронически неустроенном настоящем, однако из десятков тысяч работников наших зарубежных учреждений меняли родину на блага лишь десятки. Даже после того, как у нас исчезли жестокие карательные меры против родственников перебежчиков (скажем, типа «А.Л.Ж.И.Р. а» – Акмолинского лагеря жен изменников родины²). Однако во всех случаях перебежчики доставляли более или менее крупные неприятности своим родителям, родственникам, друзьям, бывшим коллегам – и они отдавали себе отчет в этом, и автор местами не обходит стороной этот фактор. Например, Носенко³ (папа – знаменитый в те времена министр морского флота, который был похоронен в

---

² Акмолинский лагерь жён изменников Родины (А.Л.Ж.И.Р.) – разговорное название 17-го женского лагерного специального отделения Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области, Казахстан (1938–1953). Название связано с составом заключённых, значительная часть которых была репрессирована в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00486 как ЧСИРы – «члены семей изменников Родины». В 1938 году в лагере находилось около 8 тыс. заключённых женщин, в том числе 4500 ЧСИР. Еще около 1500 ЧСИР находилось в других отделениях Карлага – прим. ред.

³ Носенко Юрий Иванович – сотрудник Второго главного управления (контрразведка) КГБ СССР, с 1962 года добровольный агент ЦРУ. Умер в августе 2008 года в США – прим. ред.

Кремлевской стене⁴, обеспеченное детство и юность в голодное время, МГИМО, КГБ, побег без видимых психологических оснований) никогда не узнал, как там живут оставшиеся в Советском Союзе жена, две дочери, мать, брат, которым он, безусловно, испортил жизнь. Или Шевченко изображает трогательную заботу о семье вплоть до последнего взгляда на спящую жену (бедные западные женщины, надо думать, всплакнули, если прочли об этом), – а потом забыл всех и сразу же обзавелся новыми узами...

И ещё одна нравственная сторона вопроса. Мало того что многие уносят с собой на ту сторону секреты. В конце концов, секреты не вечны и не должны быть вечными, и в сформировавшихся обществах по истечении определенного периода – скажем, через тридцать или больше лет – раскрываются, хотя при этом иногда проливается и неблагоприятный свет на данное государство. Но перебежчики из спецслужб стараются выложить и всю известную им агентуру. А это означает долгие годы тюремного заключения и даже казни в демократических странах, а в странах с авторитарными режимами – неперенные казни, вплоть до массовых, «до седьмого колена».

В такого рода книгах, где бы они ни издавались, трудно рассчитывать на объективный подход. Так же и здесь. Автор сочувственно относится к перебежчикам с Востока на

---

⁴ Иван Исидорович Носенко был министром судостроения СССР в 1939–1956 годах – прим. ред.

Запад, принимая на веру все их (или приписанные им) живописания насчет побудительных причин и в основном избегая неприятных ярлыков в отношении их (слово «предательство» мелькнуло где-то по рассеянности один раз), но навешивает ярлыки «предателей» на своих соотечественников, хотя у тех из них, про которых он пишет, побудительные мотивы скорее идеалистов, не ведавших о довоенных реалиях в нашей стране, но никак не искателей «сладкой жизни» и длинного доллара (или фунта стерлингов). 28 июня 2001 года легендарный агент советской внешней разведки Джордж Блейк⁵, выступая на пресс-конференции по случаю выхода в Москве книги «Письма из тюрьмы её величества», сказал, как бы оправдывая свою жизненную позицию, такие слова: «Мы очень сожалели, что не увидели коммунизма при нашей жизни»... Даже если считать, что эти люди ошибались, то ошибались, согласитесь, красиво. Надо сказать, что и автор в предисловии отдает дань уважения британцам из высоких слоев общества, пленившимся коммунистическими идеями. Позже, дает он понять, на службу Советскому Союзу шли за деньги или под воздействием шантажа. За коммунизм уже не работали.

Противоречивые чувства охватывают нашего человека, привыкшего к некоторым штампам насчет «кто есть кто»,

---

⁵ Офицер МІ6 (британская разведка), по собственным убеждениям перешёл на сторону советской разведки. После разоблачения приговорён в Великобритании к 42 годам тюремного заключения, бежал из тюрьмы – прим. ред.

когда читаешь такие истории, как биографию Хохлова⁶. Он прошел славный, если всё изложенное верно, военный путь, принимал участие в уничтожении немецкого гауляйтера Кубе в Минске, участвовал в партизанских боях, был награжден высокими военными наградами, но отказался пойти на убийство человека, которого по «идейным» причинам приговорили к смерти с одобрения наших высоких инстанций.

А вот в отношении Пеньковского⁷, «солдата свободного мира», и у автора явно проглядывает брезгливость, когда он излагает его карьеру, его непомерное и неудовлетворенное тщеславие и низменные инстинкты. Но весьма доволен тем, что тот успел продать... Не жалуется автор комплиментами и некоторых других персонажей.

Есть и по-своему трогательные истории о дважды беглецах – вначале с Востока на Запад, а потом обратно, несмотря на понимание грозящей кары.

В переводе книга претерпела сокращения за счет порой слишком длинных биографических сведений, которые ин-

---

⁶ Николай Евгеньевич Хохлов (7 июня 1922, Нижний Новгород – 2007, Сан-Бернардино (Калифорния), США) – капитан советской разведки, отказавшийся выполнять порученное ему убийство и оставшийся на Западе. Подробнее см. Хохлов Н. Ликвидатор с Лубянки. Выполняя приказы Павла Судоплатова. – М., 2017., – прим. ред.

⁷ Олег Пеньковский – полковник (лишён звания в 1963 году) Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. В 1963 году обвинён в шпионаже (в пользу США и Великобритании) и в измене Родине, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР – прим. ред.

интересны западному читателю, но до оскомины знакомы российскому (советскому), а также за счет таких газетных штампов и переделок, что местами книга кажется сценарием на колхозную тему, написанным в Голливуде. Вот, например, в главе «Канберра» есть такой перл: приезжает новый посол и говорит центральному персонажу этой главы – с его же подачи, – что, дескать, «ЦК КПСС запрещает вашей собаке бегать по посольству». Самое смешное, что на Западе такому поверят. И вообще эта глава полна сплетен о внутрисоветской жизни, и они опущены (хотя бы уже потому, что поданы обиженной стороной – собственно, как и почти вся аргументация книги). А вот политгеографическое открытие автора: «Киев – столица русской (можно перевести “российской”) Украины». И тому подобное...

Наконец, сокращена книга и за счет несколько развязной риторики и штампов времен холодной войны. Например, автор пишет о поездке советской делегации и непременно добавляет нечто типа «для ведения пропаганды» и т. п. Можно подумать, американские или британские официальные лица и тем более разведчики выезжают за рубеж бабочек ловить. Перевод книги делался, смею вас уверить, при достаточном знании предмета, посему откровенная чепуха выброшена. Но позицию автора, естественно, никто не правил, просто можно порекомендовать читателю относиться к его политическим оценкам с учетом его субъективности и времени холодной войны, когда была написана эта книга и тем более ко-

гда были написаны или произнесены цитируемые им фразы.

Кое-где мы не удержались от мелких возражений, но если бы всё делать по большому счету, то возникла бы параллельная книга. Например, автор посвящает одну главу научно-технической разведке (или, как чаще говорят, промышленному шпионажу) и приводит образцы нашей техники, якобы списанные с американской, однако если бы он смог со знанием дела сопоставить упоминаемые изделия, то понял бы, что нет смысла умыкать чертежи телеги для строительства автомобиля, тем более что реализация занимает годы. Промышленный шпионаж, как и разведка, выполняет определенную, осмелимся сказать, положительную роль, роль мониторинга – он делает прозрачными планы другой стороны и препятствует получению ею опасного преимущества. А в главе про Гордиевского автор пишет, что он был одним из советников Горбачева во время его неофициального визита в Великобританию в 1984 году – это заместитель-то резидента?⁸ В общем, ещё раз напоминаем, что эта книга не о том, как оно непременно есть, а о том, как оно видится автору.

Заранее приношу извинения за возможные искажения некоторых фамилий и названий, но англичане будут не

---

⁸ Во время официального визита в Великобританию члена Политбюро ЦК КПСС Михаила Горбачёва в декабре 1984 года Гордиевский произвел на него весьма благоприятное впечатление. Следствием этого стало назначение Гордиевского в январе 1985 года исполняющим обязанности резидента вместо Никитенко с перспективой утвердиться в этой должности – прим. ред.

англичанами, если не изуродуют в изданиях про Россию несколько русских имен собственных.

У читателя книга может породить некоторые недоуменные вопросы, на которые в 1988 году наверняка не рассчитывал автор. Если вы помните последние провалы западных шпионов – уже не в Советском Союзе, а в России, – то, возможно, вспомните и кампании на Западе насчет того, что, мол, русские берут невинных бизнесменов, не имеющих никакого отношения к разведкам. Обратите внимание, как невинных бизнесменов использовали, взять хотя бы дела Пеньковского или «Фэрвела»⁹ (единственный персонаж, которого почему-то автор не называет настоящим именем, хотя оно известно обеим сторонам).

Не всякий читатель заметит примечательный факт – мягкость наказаний и ценность человеческой жизни по британскому праву. Вот в результате бегства Гузенко¹⁰ (главы «Шифровальщик и «Профессор») в Канаде разоблачена шпионская сеть из девяти человек, все попадают в тюрьму, а «самому видному из них» (члену парламента от компартии) дают... шесть лет. В Великобритании по следу Гузенко судят «самого опасного из агентов» – ученого-атомщика – и

---

⁹ Владимир Ипполитович Ветров (19 октября 1932 – 23 февраля 1985) – подполковник Первого главного управления КГБ СССР (ПГУ), завербованный западной разведкой. Передал французской разведке чрезвычайно важную информацию о советской программе по похищению западных технологий – прим. ред.

¹⁰ Игорь Гузенко – перебежчик, шифровальщик советского посольства в Канаде – прим. ред.

приговаривают его к десяти годам тюрьмы, причем выпускают за три с половиной года до истечения срока «за примерное поведение». Жена его тем временем спокойно работает в Кембридже. Сравните с Соединенными Штатами, где за это давали электрический стул, или с нашими славными тридцатыми, когда расстреливали и «врага народа», а заодно и его жену, и сына, а то и мать. Да и 1985 года тоже обычной нормой был расстрел за ущерб гораздо меньший и в не столь острое время...

Нельзя не обратить внимания на такой факт, не красящий порядки (хочется надеяться, бывшие) в наших спецслужбах, когда перебежчик сообщает сведения, особенно об агентуре, о которых он, казалось бы, по своему рангу и полной, казалось бы, непричастности к конкретному предмету и видом не должен был видывать и слыхом не слыхивать. А всё болтовня. Единственное утешение, что на перебежчиков могли списать часть сведений, которые были получены по иным каналам и которые поэтому нельзя было раскрывать. Но разве только часть...

И последнее: если книгу прочтет человек, которому есть что прокомментировать по существу того или иного дела или персонажа, был бы признателен за отклик. Электронная версия тем и хороша, что никогда не поздно добавить в неё что-то или подправить её.

Бехтин Ю. В.

От автора

Двенадцать лет назад я отложил в сторону свое занятие европейской историей XIX и начала XX века, чтобы заняться пионером из пионеров – первым советским перебежчиком, который был жив и здоров и жил в Париже, человеком, годившимся в герои романа. Борис Баянов (Бажанов) был не только первым, но и самым важным из перебежчиков того времени: прежде чем укрыться в 1928 году в Британской Индии, он был одним из секретарей Сталина. За тридцать с лишним часов беседы с ним я узнал многое о последующих беглецах. Моя книга «The Storm Petrels» («Буревестники»), которая вышла в 1977 году и охватывала период до 1941 года, явилась предшественницей настоящей – «The Storm Birds» (тоже «Буревестники»), темой которой являются советские перебежчики беглецах периода с 1945 года до горбачевской эры.

Главное различие в поиске материалов для этой книги по сравнению с той состояло в наличии большого числа главных персонажей, которые жили и которых можно было увидеть. Другие умерли естественной смертью или были убиты. При работе над этой книгой мне удалось о многом поговорить в Америке и Европе не менее чем с восемью советскими перебежчиками. У меня создалось впечатление, что в этом Запад добивался все больших и больших успехов, что, однако, при-

влекло к себе куда меньше внимания, чем провалы Запада.

На этой сцене доминируют три гиганта. Гигантом я определяю советского перебежчика из разведки (они – главный объект моего внимания), которые сыграли важную стратегическую роль в послевоенной истории.

В эту категорию я без колебаний отнес только троих. Первый – Олег Пеньковский, разоблачения которого вышли далеко за пределы кубинского ракетного кризиса 1962 года. 5500 секретных и совершенно секретных документов, которые он сумел переснять и передать Западу, имели настолько большое военное значение, что определили планирование в западном альянсе на годы, а в некоторых вопросах – на десятилетия.

Второй гигант – это потрясающий случай с «Фэрвелом», работавшим на Францию. Его главный вклад за восемь лихорадочных месяцев работы, пока он сам не сломал себе жизнь, носил научно-технический характер. Но масштаб его разоблачений возрастает в связи с тем фактом, что, когда его материалы были предъявлены другим странам НАТО, это привело к более тесному сближению Франции при президенте Миттеране с западным альянсом. Как и в случае с Пеньковским, подлинная история его провала, рассказанная здесь впервые, затмевает всякие шпионские романы.

Третий гигант – это Олег Гордиевский, который в качестве без пяти минут резидента в Великобритании был самым старшим офицером советской разведки из когда-либо рабо-

тавших на Запад. Он также единственный из тройки, кому удалось выжить. Его стратегическая значимость лежит в основном в политической области. Он был первым, кто показал, как реально действует кремлевский механизм в начале 80-х годов, и насторожил свою аудиторию насчет опасных параноических тенденций в Кремле. Одним из важнейших его разоблачений явилось то, что в результате таких тенденций Запад, сам того не подозревая, мог вплотную подойти в ноябре 1983 года к опасности ядерной конфронтации с Советским Союзом. Предупреждения Гордиевского были услышаны, на них обратили внимание на самом высоком уровне. Подробнее об этом будет рассказано дальше.

Но переданная этими перебежчиками информация, будь они гигантами или среднего «роста», – это только часть истории каждого. Я пытался развить здесь и другую сторону. Показать, что они представляли из себя как индивидуумы и какие мотивы двигали ими, когда решали отвернуться от режима, при котором находились в привилегированном положении. В отдельных случаях, включающих прежде всего Гордиевского и «Фэрвела», импульс был исключительно идеологического свойства – нравственное неприятие коммунизма из-за коррупции, обмана и террора, на которых они выросли.

В большинстве других случаев действует более сложная мотивация. Великий Пеньковский, например, действовал отчасти из-за крушения карьеры, а отчасти – из-за болезнен-

ного тщеславия. Его также тянуло на Запад, как почти всех других, магнитом более полной и свободной жизни, чем та, которую мог предложить Советский Союз, даже если человек состоял в спецслужбах. Например, один из первых послевоенных перебежчиков – Юрий Растворов – был любителем веселой жизни, для которого эта самая лучшая жизнь (плюс перспектива сбежать от нелюбимой жены) явилась доминирующим мотивом. Он влюбился в эту жизнь, будучи единственным советским членом токийского теннисного клуба, и переметнулся на Запад, можно сказать перепрыгнув через сетку (спустя более чем тридцать лет он по-прежнему любил эту игру, живя в Соединенных Штатах).

Семейная ситуация и отсутствие или наличие любви на стороне – другой фактор, который всегда надо учитывать. Еще более сильный фактор – боязнь за свою жизнь, особенно страх быть уничтоженным во время повторявшихся сталинских и ранних послесталинских чисток в советских спецслужбах. В конечном счете именно этот страх подтолкнул молодого шифровальщика Игоря Гузенко прихватить с собой шифры и бороться за свою жизнь на улицах Оттавы в сентябре 1945 года. Он же заставил супругов Петровых (оба – офицеры КГБ) предоставить себя в Канберре в руки австралийских властей девять лет спустя (так получилось, что Петровы – единственные, о ком эта книга не предлагает ничего нового; в случае с женой, однако, история её бегства, вышедшая на первые полосы газет всего мира, до сих пор

остаётся уникальной человеческой драмой в этом жанре).

Хотя у меня в голове не было никакой циклической темы, но одна появилась за четыре года работы над книгой. Она выражена заголовком последней части – «Полный цикл». В техническом смысле слова вся история послевоенного шпионажа между Востоком и Западом двигалась по кругу от одной точки к другой, контрастной по отношению к первой, и эта вторая точка Гордиевский – высший западный агент своего времени, занявший в 1981 году почти такой же пост в подразделении КГБ по Великобритании, какой занимал за 40 лет до этого в британской спецслужбе по Советскому Союзу Ким Филби, в то время самый важный советский агент.

Но колесо крутится куда размашистее. В послевоенный период британский истеблишмент лишился своих весьма привилегированных фигур. Такие люди как Бёрджесс, Маклин и Блант, перешли на сторону Советского Союза из идеологического убеждения, что коммунизм – это та единственная дорога, по которой должно идти человечество. Русские, переходившие на Запад в то время, были фигурами не из элиты, можно сказать из рабочих, они сбежали по личным мотивам или из страха за собственную жизнь. Но к концу 70-х и в начале 80-х появились перебежчики из советского истеблишмента, которые совершили переход, потому что отвергали режим, и идеология явилась их главным импульсом. Кремль получает взамен агентов, которые, несмотря на их профессиональные достоинства, являются человечески-

ми субъектами, попавшими в советские сети из-за жадности или других изъянов в характере. Типичные экземпляры – Джеффри Прайм¹¹ в Британии и Рональд Пелтон¹² или Эдвард Ли Ховард¹³ в Соединенных Штатах. Очевидно, в ту и другую стороны движутся и исключения. И все же правило состоит в том, что к Западу обращаются лучшие русские и из лучших побуждений.

Мое внимание привлекали перебежчики из советской разведки (Аркадий Шевченко, одно время заместитель Генерального секретаря ООН, представляет здесь исключение, и я вставил его сюда из-за его личной и политической значимости). Время от времени я касался и западных перебежчиков. И здесь читатель найдет кое-что новое. Так, глава про Волковых, несчастную пару, которую в 1945 году «выловил» Филби и которая была немедленно уничтожена в КГБ, заканчивается первой вдумчивой «оценкой ущерба», нанесенного предательством Филби, в ней также много новых деталей по делу Волкова.

Что касается главных из числа лиц, подозреваемых на За-

---

¹¹ Переводчик одной из английских подслушивающих станций, который начал работать на советскую разведку в 1968 году. В начале 80-х годов был осужден за шпионаж в пользу СССР на 38 лет тюремного заключения – прим. ред.

¹² Аналитик Агентства национальной безопасности США, начал работать на советскую разведку в 1980 году. В 1985 году был арестован и приговорен к пожизненному заключению – прим. ред.

¹³ Бывший агент ЦРУ, работавший на советскую разведку. Сбежал в СССР – прим. ред.

паде в сотрудничестве с советской разведкой, то дело Пеньковского разбивает тезис о виновности сэра Роджера Холлиса. Холлис, в свое время глава Ми5 (британская контрразведка. – Прим. ред.), был из числа немногих в этой организации, кто по оперативным требованиям обязан был знать о личности полковника и его значимости ещё до визита того в Лондон. Ни один секретный агент не удержался бы от уведомления Кремля об опасности, тем более после того, как ему стали бы известны масштабы и важность материалов Пеньковского. Важно, что все те авторы, пишущие про шпионаж, которые полагают Холлиса советским шпионом, бросают тень и на достоверность верительных грамот Пеньковского, иначе их уравнение просто не сходится. Надеюсь, в будущем нам придется читать меньше таких алгебраических упражнений.

В заключение я хочу поблагодарить всех тех, и особенно советских перебежчиков, кто уделил мне так много своего времени за последние несколько лет, и всегда, я могу сказать, охотно и с желанием помочь. На меня произвели впечатление откровенность перебежчиков в изложении их историй, их хладнокровие и смелость. Запад перед ними в значительном долгу. Но моя благодарность им носит личный характер, и оттого она ещё теплее.

Искры войны

Встреча в Чеккерсе

Воскресным полднем 7 октября 1945 года британский океанский лайнер «Куин Мэри» после шестидневного плавания из Нью-Йорка пришвартовался в Саутгемптоне. Из сотен пассажиров, что пересекли Атлантику на её борту, наиболее примечательной личностью был премьер-министр Канады Уильям Лайон Маккензи Кинг. И примечательной не из-за каких-то особых его личных достоинств. Проницательный, лишенный всякой щепетильности политик, Кинг умудрился продержаться в своей вотчине у власти вместе со своей Либеральной партией Канады более восемнадцати лет. Однако за пределами своей вотчины он держался нервно и неуверенно и был в некотором роде пигмеем в компании гигантов, приведших западных союзников к победе над нацистской Германией и её сателлитами. Его значение состояло в том, что, как лидер военного времени, он был все ещё там, на заре мирного времени.

Двое из тех гигантов, в тени которых он пребывал, уже ушли из большой политики. Весной победного года не стало американского президента Франклина Делано Рузвельта. Его преемник Гарри Трумэн пока ещё прилаживался к рыча-

гам власти в Белом доме, которую он потом станет осуществлять с неожиданной твердостью. Другого гиганта, Уинстона Черчилля, в разгар лета бесстыдно столкнули со сцены его собственные избиратели (что сильно удивило Сталина, не говоря о бесчисленных наблюдателях, и, должно быть, сделало диктатора тем более удовлетворенным тем, как вершится его политика, политика по-советски). Новый премьер-министр Великобритании, лидер лейбористской партии Клемент Эттли, был отнюдь не новичком в мировой политике, поскольку в качестве заместителя Черчилля большую часть войны он был причастен ко всем трагедиям и триумфам того мирового конфликта. Однако и он пока ещё только нащупывал свою линию поведения на вершине власти и, во всяком случае, был по своей натуре ровно настолько же сдержанным, насколько бойким был его предшественник. Третьему западному гиганту военного времени, лидеру «Свободной Франции» генералу Шарлю де Голлю, ещё нужно было закрепить свою власть во Франции мирного времени. Так что репортеры окружили высадившегося премьер-министра Канады скорее как одного из символов недавней победы, чем как самостоятельную политическую величину.

– У меня нет никакой собственной программы, – заявил он журналистам. – Я только хочу спокойно поговорить о делах с возможно большим кругом лиц.

В качестве акции по дезинформации это внешне ничем не примечательное заявление находилось вполне на уровне той

пропаганды, которой все упражнялись во время войны.

Маккензи Кинг прямо с пристани направился в официальную загородную резиденцию британского премьер-министра в Чеккерсе. И вовсе не за тем, чтобы перевести нетерпливый взгляд с мирных пейзажей Букингемшира на мировую арену. Они с Эттли провели и весь оставшийся день, и вечер, и утро следующего дня, обсуждая событие, которое Кинг только перед этим обсуждал в Вашингтоне с президентом Трумэном – событие, которое не могло не потрясти. 7 сентября, ровно месяц назад, шифровальщик, сбежавший двумя днями раньше из советского посольства в Оттаве с массой рассказов сверхсекретного разведывательного содержания в голове и битком набитыми карманами официальных документов, подтверждающих его рассказы, после ряда приключений, от которых встают дыбом волосы, вступил в конце концов в контакт с канадскими службами безопасности. Одна история, подтверждаемая оригиналами телеграмм его посольства, стояла по своей значимости над всеми прочими. Среди названных им шпионов на Западе, работавших на русских во время войны, был, по его словам, один британский ученый, который участвовал в самой секретной программе военного времени – «проекте Манхэттен, то есть проекте создания Западом атомной бомбы. Как казалось, оставалось немного секретов производства этого важнейшего, стратегически решающего оружия, относительно которых Кремль был в неведении.

Для трех Западных лидеров, с самого начала вовлеченных в эти разоблачения, удар пришелся на трех уровнях. Во-первых, это был шок: как это вообще могли привилегированные и высокообразованные представители западного общества, подобно британскому профессору и многим разоблаченным канадцам, предать свои страны, не говоря уж о том, что они сделали это скорее по идеологическим убеждениям, чем из-за боязни шантажа или жадности до денег? В этом отношении Запад, и особенно Британию, ожидали впереди ещё более неприятные сюрпризы.

Важнее этого отталкивающего факта было беспокоящее доказательство того, что во время войны Россия шпионила за своими союзниками как за вражескими разведывательными объектами. Это вело к столь же неприятному выводу: союзники военного времени, как лидеры капиталистического мира, никогда не теряли в глазах Кремля образа врага. Конечно, к осени 1945 было уже очевидно, что великий союз, который опрокинул Гитлера, быстро разваливался на почве разногласий по поводу устройства освобожденной Европы и деления её на два соперничающих силовых блока. Острая борьба между Россией и Западом вокруг послевоенного режима, который должен быть установлен в Польше – борьба, в конечном счете без особого труда выигранная Сталиным, явилась срезом общего конфликта. Но одно дело – ссориться по поводу раздела военной добычи – вещь привычная и недолговечная среди союзников по сражениям, а дру-

гое – ощущать смертельный и, похоже, нескончаемый вызов, исходящий от Востока в момент, когда в воздухе ещё стоит звон победных колоколов. Ведь ещё только 2 сентября этого же года Япония, сопротивление которой рассыпалось в прах через месяц после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, подписала акт о капитуляции на борту американского линкора «Миссури». Таким образом, прошло менее недели после окончательной победы над державами «Оси» и, значит, установления мира на земле, когда бомба другого порядка взорвалась в Оттаве, но её взрыв все ещё приглушали, а о её существовании знала лишь горстка западных министров и должностных лиц.

Наконец, следует особо сказать об ущербе, причиненном тем британским ученым западному лагерю. Пока Запад был единственным обладателем самого мощного оружия разрушения, в его руках была угроза, нависавшая с воздуха и способная противостоять подавляющему советскому военному преимуществу на земле. В конце концов, Россия и сама создала бы это оружие, поскольку в науке нет устойчивых барьеров. На Западе это понимали и, пока союзнические отношения переживали период расцвета, там напряженно размышляли над тем, каким образом можно было бы поделиться ядерной информацией с Москвой. К мысли об открытом подходе к русским то и дело возвращался президент Трумэн, когда вдруг бегство шифровальщика показало, как много русские уже знали и каким путем они получали информа-

цию. Подозрения насчет ядерного и другого шпионажа русских в военное время и без того давно существовали, но теперь появились доказательства этого, и это способствовало тому, что и Трумэн, и Эттли окончательно освободились от иллюзий в отношении Москвы (на Кинга, человека неопытного в иностранных делах, утрата иллюзий нашла позднее).

Для американцев сложность проблемы состояла не в переоценке бывшего соратника по войне, а в потере решающего стратегического преимущества над союзником. После окончания войны СССР стал превращаться в соперника, и весьма враждебного. За два месяца до того, как первая атомная бомба была сброшена на Японию, президент Трумэн в беседе со своим министром обороны Генри Стимсоном высказывал мысль о том, что обладание атомным оружием позволит Соединенным Штатам навязывать свою волю Советскому Союзу по всему фронту противоречий между Западом и Востоком, от Польши до Манчжурии. Эту идею подсказал Трумэну государственный секретарь Джеймс Бирнс в апреле, когда новый президент только занял свой пост. Теперь важное американское преимущество стало тревожно таять. Ранее оценки западных ядерных экспертов насчет того, сколько времени потребуется русским, чтобы без посторонней помощи создать собственную атомную бомбу, колебались в пределах от пяти лет до жизни одного поколения. С обнаружением того факта, что они работают отнюдь не без посторонней помощи, даже минимальные оценки длительности аме-

риканского лидерства приходилось ещё более уменьшать.

Русские возобновили работу над своими собственными программами ядерных исследований, которые они было положили под сукно, в какой-то период 1943 года и, предположительно, под влиянием первых сообщений своих агентов с Запада о «проекте Манхэттен». Но в их усилиях не чувствовалось особой горячки даже после того, как президент Трумэн как бы походя упомянул Сталину на Потсдамской конференции в июле 1945 года, что, мол, Запад закончил работу над «очень мощным взрывчатым веществом», с помощью которого вполне можно положить конец войне с Японией. Сталин воспринял это сообщение так же походя, как оно было подано – то ли потому, что он решил не выдавать своей тревоги, то ли потому, что искренне не подозревал, насколько мощным покажет себя новое оружие. После того как через месяц это оружие стерло с лица земли два японских города, любые сомнения в голове Сталина рассеялись.

Спустя двадцать лет его дочь написала, как в день взрыва в Хиросиме она приехала к нему на дачу и застала диктатора настолько поглощенным мыслями о бомбе, что он еле-еле выкроил для неё время, хотя она только что подарила ему нового внука. Когда речь заходила о ядерной проблеме, советские лидеры продолжали демонстрировать прежнюю безмятежность, но в действительности они уже начали бешеную гонку с целью перегнать Запад любыми средствами и в кратчайшее время. Во все советские разведывательные точ-

ки на Западе полетели срочные и совершенно секретные телеграммы с приказами поставить на первый план работу по получению документальной информации о новом оружии. Текст одной такой телеграммы из Москвы, направленной 22 августа 1945 года, оказался среди оригинальных документов, которые принес с собой русский шифровальщик спустя две недели после его отправки.

Вот в таком, если кратко говорить, международном контексте состоялся визит Маккензи Кинга. Но стоит упомянуть ещё о двух фигурах второго плана, которые принимали участие в этой драме. В то время они были ничем не примечательными, но каждой из них предстояло сыграть чрезвычайно важную роль позднее. Сотрудником британской контрразведки, который в тот день, 7 октября, поднимался на борт «Куин Мэри», чтобы известить канадского премьер-министра о последних новостях в развитии шпионского скандала, был не кто иной, как Роджер Холлис, позже выросший до главы британской службы контрразведки Ми5 и при жизни подозревавшийся, а после смерти открыто обвиненный в том, что был суперагентом Кремля. А британский коллега, который преподнес всю эту «канадскую проблему» Роджеру Холлису, был не кто иной, как Харольд Адриан Рассел Филби – человек, который, как выяснится через двадцать лет, был у русских – это несомненно и общепризнанно – наиболее ценным из всех их известных послевоенных агентов, работавших на Западе. По иронии судьбы, в силу другого сов-

падения, Филби было необходимо прикрыть свою спину от внезапной опасности оказаться разоблаченным другим перебежчиком, который сбежал в иной части света и в необычной манере.

Это любопытное стечение шпионских обстоятельств будет описано в следующей главе. А здесь достаточно сказать, что события, вошедшие в историю как «дело Гузенко», всю начали раскручиваться.

Шифровальщик

Мысль о побеге зародилась в голове Игоря Сергеевича Гузенко еще, может быть, до того, как колеса самолета, в котором он летел из Москвы в июне 1943 года со своим шефом, полковником Николаем Заботиным, коснулись посадочной полосы аэродрома в Оттаве. Самолет летел полярным маршрутом, и в полете над Канадой Гузенко увидел десятки городов и деревень, пересекаемых длинными улицами и покрытых полукругами домов, самые маленькие из которых наверняка насчитывали по пять-шесть комнат, а возле домов располагались сады и гаражи. Это, говорили ему канадцы, сопровождавшие русских, были дома простых людей, большей частью рабочих. Поначалу Гузенко не верил. Но само число этих домов убедило молодого шифровальщика, впервые выехавшего за границу, что хозяева говорят правду. Да, в России, чтобы жить в таком доме, нужно было входить или в иерархию компартии, или в число высоких госчиновников – в привилегированную номенклатуру. Простой смертный счастлив был получить двухкомнатную квартиру и жить там со всеми домочадцами.

Первое впечатление от знакомства с Западом вселяло неуверенность. Неужели это и есть «эксплуатация трудящихся», про которую ему долбили с детства?

Второе и третье впечатления укрепляли мысли о контра-

сте между жизнью здесь и в Советском Союзе и множили сомнения. Гузенко тогда было 24 года, он был женат, жена его, Анна, ждала ребенка, и ей разрешили присоединиться к нему попозже, морем. Здешней жизнью она была изумлена не меньше мужа, а магазины канадской столицы после московских прилавков напоминали ей пещеру Аладдина. Но не только материальная сторона жизни привлекла пару, чей первый сын, Андрей, родился вскоре после их прибытия на канадскую землю. Им говорили, что их ожидает здесь враждебность и кислые лица идеологических противников, а этого не было. Рабочие в аэропорту поинтересовались у Гузенко и его коллег насчет их грозного вождя в шутливой манере: «Как там поживает дядя Джо?» – и эта манера не изменяла окружающим и в последующие месяцы. Они столкнулись с человеческими существами, дружески настроенными, к тому же державшимися раскованно и в обществе, и наедине, не ведавшими запретов на выражение своих чувств и потому никого не опасавшимися. Эти люди казались существами с другой планеты молодой паре, приехавшей из государственной системы, построенной на страхе, пропитанной подозрительностью, скрытностью и недоверием.

У некоторых из окружения Гузенко шок был особенно сильным. Он-то был основательно вымуштрованным продуктом системы, на увековечение которой было направлено все его воспитание. В коммунистической партии он не состоял (это пришло бы само собой, пойдя он по карьерной лест-

нице), но в семнадцать лет он членом комсомола. Четыре года спустя Гитлер напал на Россию, и Гузенко, к тому времени выпускник технического вуза, оказался среди молодых людей, отобранных для работы в военной разведке. Он прошел тщательную подготовку по шифровальной специальности и после пятимесячной проверки со стороны НКВД был взят на службу в военную разведку, в её московский штаб. Оттуда он был направлен в действующую армию, и уже на фронте его начальники решили, что он хорошо знает свою работу и вполне надежен и его можно направить для работы за границей. Снова последовала проверка на благонадежность. Окончательное разрешение на поездку давал шеф международного отдела партии, или это делалось его именем. И Гузенко, отборный продукт советской системы, был направлен в качестве гражданского служащего, хотя в действительности был лейтенантом Главного разведывательного управления генштаба, – был, можно сказать, прямым ходом направлен летом 1943 года с фронта войны с Гитлером в тихую Оттаву.

Работа, которой стал заниматься Гузенко, явилась для него объяснением – если у Гузенко вообще была потребность в объяснениях, – почему его столь скрупулезно проверяли под микроскопом спецслужб. Его шеф, полковник Заботин, исполнял официальные функции военного атташе в огромном здании из красного кирпича на Шарлотт-стрит, 285, где год назад, после установления дипотношений меж-

ду Оттавой и Москвой, было открыто советское посольство. Но, как Гузенко прекрасно знал, Заботин был помимо этого и прежде всего главой секретных операций ГРУ против Запада в Канаде. Заботин имел оперативный псевдоним «Грант» (у Гузенко был псевдоним «Кларк» – вполне невинный, если учесть характер его обязанностей). Он также знал, что у НКВД есть своя параллельная шпионская сеть, совершенно отдельная, а её контрразведывательная служба следила за всеми в посольстве, включая и «Гранта», и его команду из четырнадцати человек. Если учесть секретную часть посольства и «обычную», всего под крышей дома 285 по Шарлотт-стрит работали пять отдельных сетей, и они на своих шифрах посылали сообщения в пять центров в Москве и получали оттуда указания¹⁴. Номинальный глава всех этих подразделений, посол Георгий Зарубин, не имел детального представления о том, что происходит в разведывательных подразделениях, и не нес никакой ответственности за их деятельность. Это было к его же благу: его не касалось, если в одном из этих подразделений случалась неприятность. На дипломатической карьере Зарубина никак не сказалась история с Гузенко: в 1945 году, так и не зная ни слова по-английски, он был советским послом в Лондоне и в Вашингтоне.

---

¹⁴ Вероятно автор имел ввиду, что кроме двух легальных резидентур (НКВД и ГРУ), шифросвязь использовали еще и сотрудники МИДа. Правда, не ясно, какие еще две «отдельных сети» он имел ввиду – прим. ред.

У Гузенко была комната под номером 12, одна из восьми на втором этаже посольства, и вся эта секция закрывалась на двойную стальную дверь и железные засовы, а на ночь стальными ставнями закрывались и все окна. С внешней стороны у дверей находилась скрытая кнопка замка, по звонку с внутренней стороны разглядывали в глазок посетителя и только после этого впускали его. В своей келье, нагонявшей клаустрофобию, молодой лейтенант проработал пятнадцать месяцев, зашифровывая и расшифровывая все телеграммы ГРУ в Москву и из Москвы. Хотя в основном он знал лишь псевдонимы, а не настоящие имена агентов Заботина (которых полковник в основном принял по наследству от своего предшественника майора Соколова), Гузенко или знал, или мог узнать о прочих подробностях деятельности агентурной сети. В сейфе 12-й комнаты находились секретные дневники полковника, данные на агентуру и прочие ключевые документы операций ГРУ. Действующие шифры и свежие телеграммы в Москву и из Москвы хранились по ночам в опечатанной коробке и передавались человеку из охраны для хранения в сейфе.

Личная жизнь Игоря Гузенко проходила в полном контрасте с его напряженным существованием за семью запорами внутри посольского здания и среди своих коллег. Это уже потом случится, и отчасти из-за действий Гузенко, что все шифровальщики во всех советских представительствах за границей будут размещаться вместе со своими семьями

только в официальных зданиях представительств, а выходить из них будут только в сопровождении. Но пока что все только начиналось, да и Канада считалась союзницей. При открытии посольства в Оттаве Кремлю было неловко требовать строительства отдельного советского анклава, да на это не было и времени. Так что большая часть персонала оказалась расселенной по частным квартирам по всему городу. У полковника Заботина был дом на Рейндж-роуд, 14, где проходила немалая часть его работы. Гузенко жил с женой и маленьким сыном в комфортабельной квартире в здании на Сомерсет-стрит, 511, в предместье столицы. Со всех сторон за стенами жили обычные канадцы.

Как Гузенко неоднократно утверждал позднее, оказавшись в безопасности на Западе, он убежал бы рано или поздно, не возникни чрезвычайная ситуация. Болезненным препятствием его действиям всегда были мысли о «заложниках» его родственниках в России. Его мать и сестра оставались там. У жены Анны оставались там оба родителя, а также сестра и брат. Он мог быть уверенным, что кто-то из родственников или все они будут репрессированы или даже ликвидированы сталинским полицейским государством, если Гузенко отвернется от него или нанесет ему какой-либо ущерб. И, несмотря на это, тяга жить в таком благополучном и открытом обществе, какого он не знал дома и не ожидал увидеть за границей, все больше и больше овладевала им и побуждала его к бегству. И чем больше он отождествлял се-

бя с этим обществом, тем большее отвращение он испытывал к своей работе, посредством которой он помогал шпионажу против этого общества и нанесению ему ущерба. Но на решительный шаг перейти невидимую линию раздела его подтолкнул страх.

Перед его отъездом из Москвы ему было сказано, что он пробудет на этой работе два-три года. В сентябре 1944 года, когда за спиной были только пятнадцать месяцев работы в Оттаве, его вызвал к себе полковник Заботин и сказал ему, что пришла телеграмма из Москвы, в которой шифровальщику с семьей предписывалось немедленно выехать домой. Причины столь раннего отзыва не приводились. Такого неожиданного отзыва боялся любой советский работник за рубежом. Под страхом такого отзыва жил и сам полковник Заботин, и вздохнул он с облегчением, только когда из Москвы ему сообщили о награждении его за хорошую работу орденами Красного Знамени и Красной Звезды. «Теперь, – открыто говорил военный атташе в своем кругу, – можно и не бояться возвращения в Москву». Бедняге же Гузенко оставалось со страхом – и, как выяснится позже, обоснованным – ждать отъезда в Москву. Но осенью 1944 года престиж и влияние полковника Заботина были на достаточно высоком уровне, и он сумел убедить Москву изменить мнение и дать Гузенко ещё поработать ввиду большого объема работы и недостатка квалифицированного персонала. То ли подозрения служб безопасности удалось рассеять, то ли опасность,

как считала жена Гузенко, отступила на время, но этот случай заставил пару просить убежища в Канаде – «когда придет время».

Настало лето. Однажды вечером Гузенко, уйдя с работы домой, по небрежности оставил на своем рабочем секретный документ, оказавшийся в ворохе других, маловажных, бумаг. К его облегчению, оплошность осталась незамеченной, и он утром обнаружил документ. Но оплошность была-таки замечена – уборщицей, которая состояла в службе безопасности здания. Она сообщила об этом не военному атташе и не послу, а своему начальнику Виталию Павлову, который под прикрытием второго секретаря посольства возглавлял резидентуру НКВД в посольстве, а тот, в свою очередь, сообщил об этом по своим каналам своему руководству в Москве. Реакция последовала через неделю. Полковник Заботин (который в личном порядке сделал Гузенко выговор, когда узнал об оплошности последнего), получил нагоняй за то, что проинформировал Центр о столь тяжком проступке своего подчиненного. Самого виновника отзывали в Москву, теперь уже вполне определенно. Это был приказ, не подлежавший обсуждению, но выполнять который было опасно. За такие оплошности шифровальщики не просто получали выговоры, а подвергались смертной казни¹⁵. Помимо страха был ещё один стимул к бегству. Жена сказала Гузенко, что ждет второго ребенка. И они решили, что второй ребенок

---

¹⁵ Вымысел автора – прим. ред.

должен не только родиться, как и первый, на канадской земле, но и получить возможность прожить всю жизнь на ней.

Гузенко придумал образец, которому потом будут следовать почти все «подготовленные» беглецы – в противоположность «импульсивным». Он приготовил «приданое» из разведывательных материалов, чтобы представить его тем, кто будет решать его судьбу. За то короткое время, которое ему оставалось до тех пор, пока его не заменит некий лейтенант Кулаков, уже прибывший из Москвы, он внимательным взглядом прошелся по собранию документов, загнув углы более чем сотни тех, что он должен был в сжатое время изъять в нужное время. Отбор документов был весьма тщательным. Большое количество материалов представляло непосредственный интерес для канадских властей, в чьи руки он вручал свое будущее. Но среди них было и несколько документов, жизненно важных для всего Запада, а один из них вкупе с устными свидетельствами Гузенко содержал, как мы видели, взрывчатый материал.

В самом способе бегства была также известная продуманность, но с долей наивности и с ещё большей долей путаницы. Гузенко выбрал вечер, когда лейтенант Кулаков работал в доме полковника Заботина и когда сам полковник, человек веселый, с широкими связями в обществе, находился на каком-то приеме. Гузенко точно знал, что многих его коллег в тот вечер не будет в посольстве, поскольку они будут присутствовать на показе кинофильма в городе. Это был день 5

сентября 1945 года.

Он был ошеломлен, когда, отмечая в журнале регистрации свой приход, увидел, что в посольстве все ещё болтается шеф резидентуры НКВД Виталий Павлов. Но под предлогом «обработать пару телеграмм» он прошел через стальные двери в свою комнату. Он действительно, чтобы не навлекать на себя немедленных подозрений, зашифровал, как положено, две телеграммы, затем набил в карманы и за пазуху уже намеченные к изъятию документы. Он передал дежурному по резидентуре подготовленные телеграммы вместе с запечатанной коробкой, где хранились шифры военного атташе, для помещения на ночь в сейф. Когда он спускался вниз, то все выглядело как надо, не считая его раздувшихся карманов. К счастью, дежурный на выходе, ещё один сотрудник НКВД, не заметил ничего странного. И опять же к счастью, ненавистный Павлов покинул здание. Пошел девятый час вечера, когда Гузенко вышел на Шарлотт-стрит.

Что произошло потом, мы сможем понять, если вспомним, что Гузенко был первым из послевоенных перебежчиков. Даже само слово «бегство» было новым. Оно по-прежнему имело незнакомый, а для некоторых на Западе и неприятный ореол. Начать хотя бы с того, что известный русский, который менее чем за двадцать лет до этого проложил дорогу бегства на Запад, рассматривался уже как ренегат – речь идет о Борисе Бажанове, одном из помощников Сталина, кото-

рый в 1928 году нашел убежище в Британской Вест-Индии¹⁶. Такая атмосфера неприятия перебежчиков отчасти сохранялась и в 1945 году, когда после войны Советский Союз воспринимался не иначе как великий и славный союзник. Что касается Гузенко, ему не было на кого равняться. И он действовал инстинктивно, и эти инстинкты были заложены в нем ещё тоталитарным обществом. Несмотря на все, что Гузенко видел вокруг себя и приветствовал в свободном западном обществе (а только этим летом вокруг него проходило впечатляющее зрелище по-настоящему свободных выборов в Канаде), он не мог заставить себя поверить, что полиция – это люди, которые стоят на твоей стороне. Однако он сумел поверить в независимость канадской прессы. Так что, вместо того чтобы идти прямо к властям, он сел в трамвай и направился в редакцию «Оттава джорнел» – самой солидной и наиболее консервативной из двух ежедневных столичных газет, чтобы изложить там свое дело.

При первом посещении смелость изменила ему в тот момент, когда он уже собирался постучать в дверь с табличкой «Издатель». Он изменил свое решение и побежал домой к Анне, чтобы успокоить её нервы и подсушить свои драгоцен-

---

¹⁶ Борис Георгиевич Бажанов (9 августа 1900, Могилёв-Подольский, Винницкая область, Российская Империя – 30 декабря 1982, Париж[2]) – сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), помощник (личный секретарь) И. В. Сталина (1923–1927). Получил широкую известность благодаря книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», выпущенной им в Париже в 1930 году, после побега из СССР в 1928 году – прим. ред.

ные документы, некоторые из которых намокли от его собственного пота. Когда он вернулся в «Оттава джорнел», издатель уже ушел, а вечерний персонал, занятый подготовкой завтрашнего номера, не имел ни времени, ни способности понять, что это за странный тип, который размахивает кипой бумаг на непонятном языке и взволнованно говорит о советском шпионаже и предательстве в Канаде. Тем не менее они наставили его на верный путь, убедив пойти в Королевскую канадскую конную полицию и рассказать свою историю там. Но первый контакт с официальным лицом Гузенко установил уже за полночь, подойдя к полицейскому, дежурившему у входа в Министерство юстиции. Тот ему сказал, чтобы он пришел на другой день. Делать было нечего, кроме как пойти со своими документами, которые начинали становиться скорее опасными, чем ценными, к себе домой на Сомерсет-стрит и переночевать там. Его отсутствие на службе и нехватку документов обнаружат при нормальном развитии событий не раньше какого-то времени завтра утром. Так что у него было несколько часов в запасе.

Следующее утро 6 сентября вылилось для беглеца в настоящий кошмар. Супруги Гузенко решили придать своей вылазке семейный характер – частично затем, чтобы никому не оставаться дома, а частично – чтобы придать больший вес своему обращению о предоставлении убежища. И Анна на восьмом месяце беременности, вместе с двухлетним сыном Андреем отправилась вместе с мужем в Министер-

ство юстиции. В чрезвычайной обстановке Анна проявила свою незаурядность, настояв на том, чтобы документы несли она – на случай, если их выследят сотрудники НКВД, и тогда она улизнула бы с сыном и вещественными доказательствами. Но злой судьбе было угодно, чтобы в этот день в 11 часов утра началась сессия нового парламента, почему ни одного министра не было на своем рабочем месте. Однако они произвели достаточное впечатление на секретаря в Министерстве юстиции в их первом «порту захода», и секретарь отвез их в резиденцию парламента. Там они снова просили в какой-то из приемных, чтобы их выслушали и дали возможность показать документы лично министру юстиции Луи Сен-Лорану, но после несколько телефонных звонков им ответили, что министр не сможет принять их... Позже министр скажет в парламенте, что он был «не готов принять официальное лицо из дружественного посольства, рассказывающее немыслимые истории». Чопорность и наивность реакции показывает, с чем сталкивались Гузенко и любой другой, старавшиеся в 1945 году сказать правду о сталинском режиме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.